

А. А. АСМАНГУЛЯН

ПРОТИВ ГИПОТЕЗЫ О «ДВУПРИРОДНОСТИ» АРМЯНСКОГО
ЯЗЫКА

1

В современной арменистике имеются две противоположные друг другу концепции происхождения армянского языка. Одна из них рассматривает армянский язык как индоевропейский по происхождению, другая — так называемая местная, азиатическая — связывает армянский язык по его генезису с местными азиатическими языками, в первую очередь с хеттским, а также с грузинским языком.

Первая точка зрения была выдвинута представителями традиционной сравнительной грамматики и продолжает господствовать среди большинства советских и зарубежных лингвистов-арменоведов. Эта точка зрения принята как в общих трудах по сравнительной грамматике индоевропейских языков, так и в многочисленных специальных исследованиях, посвященных сравнительно-историческому изучению армянского языка. Вторая точка зрения была выдвинута и развита в ряде работ проф. Г. А. Капанцяна.

Приступая к рассмотрению этих двух концепций, мы должны отметить, что сама проблема происхождения армянского языка является весьма сложной. Сложность эта обусловлена прежде всего тем, что в основе армянского языка как языка народности лежит, очевидно, не один, а два близкородственных между собой племенных языка: хайский — язык хайасы и армянский — язык племени арме (более подробно об этом см. ниже). Это обстоятельство нередко ускользает от внимания исследователей, в связи с чем сторонники как первой, так и второй концепции происхождения армянского языка обычно, как нам кажется, подходят к данной проблеме несколько односторонне.

Как известно, в армянском языке имеется определенный индоевропейский фонд, охватывающий не только корневые слова, но и ряд аффиксов словообразования и словоизменения. На основании этого и, в частности, на основании известной общности грамматических элементов армянский язык еще в 30-х годах XIX в. был признан индоевропейским. Согласно традиционной точке зрения, установившейся со времени Гюбшмана, армянский язык рассматривается как особая самостоятельная ветвь индоевропейской семьи, стоящая между греческим, славянскими и иранскими языками¹.

Так, в отношении лексики армянский язык выступает как бы в качестве переходного, связующего звена между западными (европейскими) и восточными (арийскими) языками: элементы, наличествующие в запад-

¹ См. Н. Н ü b s c h m a n n, *Armenische Grammatik*, Leipzig, 1897, стр. 399.

ных языках, но отсутствующие в восточных, представлены и в армянском языке (ср. приводимое обычно название соли: готск. *salt*, лат. *sāl*, русск. *соль*, греч. *hāls* = арм. *at*; ср. также слова, образованные от корня * *ar-* «пахать»).

Полное освещение и детальное изложение данной концепции мы находим в книге проф. Р. Ачаряна «История армянского языка», являющейся вместе с его же «Этимологическим корневым словарем армянского языка» венцом традиционной арменистики. Определяя на основании детального исследования фонетической, грамматической и лексической системы армянского языка его место в кругу индоевропейских языков, автор приходит к заключению, что «армянский язык стоит между арийскими, греческим и славянскими языками»².

Между тем уже давно было замечено, что армянский язык во многом сильно отличается от других индоевропейских языков³. Это касается не только его фонетической и морфологической системы, но и его лексики.

В основе армянского языка, таким образом, усматривается язык индоевропейского происхождения, подвергшийся, однако, в дальнейшем сильному влиянию местных (по мнению Мейе — кавказских, по мнению Р. Ачаряна⁴ — в первую очередь урартско-халдского) языков, в чем нет ничего удивительного, если учесть сложную историю армянского народа, тесные культурно-экономические связи с близко соседствовавшими с ним в течение веков народами, говорившими на языках неиндоевропейского происхождения, в числе которых надо особенно выделить древних ассирийцев, урартов-халдов, хурритов, различные народности Кавказа и др.

Особого внимания, помимо наличия сильных расхождений с другими индоевропейскими языками в фонетической и морфологической системе, заслуживает лексическая система армянского языка, в которой так называемый индоевропейский элемент занимает незначительное место по сравнению с тем действительно большим количеством слов-корней (в том числе относящихся к основному словарному фонду), которые составляют незаимствованный (= неэтимологизированный) слой древнейшего словарного состава армянского языка.

По данным этимологического корневого словаря армянского языка, из 10 772 корней, нашедших отражение в древнеармянской литературе, индоевропейское происхождение имеют лишь 713 корней, т. е. 6,6% всего лексического материала древнеармянской литературы. Наряду с этими индоевропейскими корнями словарный состав древнеармянской литературы включает большое количество (5 572) корней неизвестного происхождения, что составляет почти 52% всех древнеармянских корнеслов. Предполагается, что часть этих слов неизвестного происхождения является заимствованной из урартского, хеттского и других неизвестных или мало известных языков.

Таким образом, соотношение индоевропейского и неиндоевропейского лексического материала в армянском языке совершенно иное, чем аналогичное соотношение в других индоевропейских языках. Это обстоятельство, в основном, очевидно, и явилось исходным пунктом для новой концепции происхождения армянского языка, выдвинутой и развиваемой Г. А. Капанцяном (им, правда, приняты во внимание также фонетико-морфологические особенности армянского языка). Но прежде чем перейти к подробному изложению и оценке этой концепции, скажем несколько

² Р. Ачарян, История армянского языка, ч. I, Ереван, Изд-во ун-та, 1940, стр. 31 (на арм. языке).

³ См. А. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903, стр. 111.

⁴ См. Р. Ачарян, указ. соч., стр. 185—190.

слов о подходе к данной проблеме Н. Я. Марра, который, по признанию самого Г. А. Капанцяна, явился его предшественником в данном вопросе в том смысле, что он первым выступил с критикой индоевропейской концепции происхождения армянского языка.

В своей книге «Грамматика древнеармянского языка», вышедшей во втором издании в 1903 г. (в том же году, что и «Esquisse» Мейе), Марр выдвинул тезис о смешанном характере армянского языка, проявляющемся как в грамматике, так и в словаре. При этом Марр рассматривал неиндоевропейский элемент армянского языка как одно из основных ядер «двуродного», смешанного языка, сопоставляя этот элемент главным образом с фактами «яфетических языков» Кавказа, в первую очередь с фактами грузинского языка. В предисловии к названной книге Марр сформулировал свою точку зрения следующим образом: «Одно выступает ярко: он весьма характерный образчик мешанного языка. Речь, конечно, не в богатой примеси в нем явно заимствованных слов, легко выделяемых и в значительной степени уже выделенных. Я имею в виду ядро реального армянского языка, возникшего на почве исторической Армении. Само ядро двуродное»⁵. Выдвинутую им концепцию Марр развивал и в дальнейшем, посвятив этому вопросу целую серию работ, вышедших под названием «Яфетические элементы в языках Армении».

Положительным в данной установке Н. Я. Марра было то, что она привлекала внимание исследователей к неиндоевропейскому элементу в армянском языке; это помогало также и правильно объяснить некоторые грамматические особенности армянского языка. Однако в целом концепция Марра была глубоко ошибочной в том смысле, что эта концепция строилась на понимании армянского языка как генетически равномерно смешанного; как индоевропейскому, так и неиндоевропейскому элементу в армянском языке придавалось равное значение, причем неиндоевропейский элемент связывался главным образом с грузинским языком.

Ошибочность этой концепции стала особенно ясной после выхода в свет трудов И. В. Сталина, где было определенно подчеркнуто, что когда мы говорим о языке смешении, то здесь всегда должен ставиться вопрос о ведущем, основном элементе в данном языке, составляющем его основу, о языке, который вышел победителем в процессе смешения, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд⁶.

Научные интересы Г. А. Капанцяна были направлены в сторону выяснения соотношений между двумя генетически разнородными элементами в армянском языке. Изучая в течение ряда лет неиндоевропейские элементы армянского языка, он пришел к заключению, что армянский язык по своему основному слою тесно связан с местными так называемыми азиантическими языками, а индоевропейский слой является в нем лишь вторичным, побочным, хотя и важным в генетическом отношении вкладом. В работе «К происхождению армянского языка» Г. А. Капанцян формулирует свою точку зрения на происхождение армянского языка следующим образом: «...армянский язык вышел из малоазийского („азиантического“, по терминологии П. Кречмера) языкового субстрата, с первичным бытованием где-то между хеттским, хурро-урартским и грузинским этническим миром и языками»⁷.

⁵ Н. Марр, Грамматика древнеармянского языка, СПб., 1903, стр. XXXI.

⁶ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 28—30.

⁷ Г. Капанцян, К происхождению армянского языка, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1946, стр. 39—40.

Определяя роль и место индоевропейского элемента в армянском языке, автор пишет: «Индоевропейский же слой армянского языка, установившийся преимущественно в связи, быть может, с киммеро-скифскими, кельтскими (галатским), ахейским (греческим) вторжениями, есть побочный, хотя и важный генетический вклад, что, конечно, не исключает влияний и других индоевропейцев (арийцев, фригийцев и др.)»⁸. Таким образом, Г. А. Капанцян, вслед за Н. Я. Марром, рассматривает армянский язык как смешанный в генетическом отношении, но, в отличие от Марра, трактует его не как равномерно смешанный, а с явным преобладанием местного азиатического элемента.

Эти предварительные высказывания и выводы были в дальнейшем развиты Г. А. Капанцян на основе географического, этнологического, культурного, языкового, культового материала в монографической работе «Хайаса — колыбель армян», вышедшей в свет в 1948 г. и являющейся ценным вкладом в историческое изучение армянского языка. Мы не будем здесь заниматься детальным анализом этой весьма интересной книги в целом. Для нас важны лишь некоторые выводы, к которым приходит автор. Обращает на себя внимание прежде всего его замечание о том, что «после выделения всех заимствованных слов с иранского, сирийского, ассириовавилонского, греческого, грузинского и др., а также после отбора чисто индоевропейских корней... в армянском остается до пяти тысяч слов и до трех десятков словообразовательных и словоотносительных (склонение, спряжение) форм» (разрядка моя. — А. А.)⁹, которым не найдены этимологические параллели в других индоевропейских языках. Именно этот фонд автор считает «...основным, качественно определяющим ядром или остовом армянского языка»¹⁰.

Вывод этот может показаться на первый взгляд вполне обоснованным, ибо, в самом деле, остается непонятым, на каком основании огромный неразъясненный слой лексики армянского языка (так называемый собственно армянский фонд лексики) рассматривается как результат заимствований из неизвестных, не дошедших до нас языков¹¹, тогда как этот элемент составляет более половины лексического материала языка. Опираясь на такое соотношение между индоевропейским и неэтимологизированным фондом, автор считает основным этот последний, поскольку, по его мнению, именно он определяет облик армянского языка как в количественном, так и в качественном отношении, а не те корни индоевропейского происхождения, которые составляют лишь незначительный процент лексического материала армянского языка (включая современные диалекты)¹².

Наличие индоевропейского элемента, как и значительная его роль при этом не отрицаются. Речь здесь, следовательно, идет о том, какой из элементов преобладает, какой из них является качественно определяющим, основным. Известно, что этимологически невыясненные слова в большем или меньшем количестве имеются в любом из индоевропейских языков. Так, например, в немецком языке, по подсчетам Э. Файста¹³, неэтимологизированный лексический материал составляет около одной трети всего

⁸ Г. Капанцян, указ. соч., стр. 40.

⁹ Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1947 (обл.: 1948), стр. 79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Так, обычно, трактуется неэтимологизированный фонд. См. Р. Ачарян, указ. соч., стр. 185.

¹² См. Г. Капанцян, К происхождению армянского языка, стр. 31—41.

¹³ См. S. Feist, Indogermanen und Germanen, 3-e Aufl., Halle (Saale), 1924, стр. 88.

словаря. Согласно данным Фр. Брауна¹⁴, неэтимологизированный материал составляет около 30% всей лексики германских языков. Однако, несмотря на этот довольно солидный процент, подавляющее большинство слов в германских языках — индоевропейского происхождения. Да и общая структура языка здесь ближе к индоевропейскому типу. Что же касается армянского языка, то индоевропейский элемент составляет самое большее около 10% словаря древнеармянской литературы, в то время как на долю «неизвестного» (= собственно армянского) элемента приходится даже немногим больше половины общего лексического материала.

Напомним также, что наличие 30% неэтимологизируемых слов, а также некоторые другие особенности германских языков, например передвижение согласных, соотношение гласных $\check{a}/\check{o}$, акцентуация и т. д., привели некоторых германистов к выводу о том, что германские языки образовались путем навязывания индоевропейской речи племенам, говорившим первоначально на языке неиндоевропейского происхождения¹⁵. Следовательно, здесь тоже предполагается языковое смешение, которое привело, однако, к победе языка индоевропейского происхождения. Отвлекаясь от того, насколько обоснована данная гипотеза в отношении германских языков, отметим лишь, что такое предположение вполне закономерно, поскольку языковые смешения могли иметь и имели место в истории различных языков.

Согласно азианической концепции происхождения армянского языка, подобные языковые смешения имели место в глубокой древности и в истории армянского языка. Но они, по мнению Г. А. Капанцяна, привели к победе языка неиндоевропейского происхождения, языка «азианического», который, однако, впитал в себя много элементов ассимилировавшихся в нем языков, обогатился, в частности, за счет языков племен — носителей индоевропейской речи, языков, оказавшихся в конечном счете побежденными, причем обогащение произошло не только в плане лексики, но и грамматики.

Таким образом, если в германских языках индоевропейский элемент есть элемент победившего языка, то в армянском, по мнению Г. А. Капанцяна, тот же индоевропейский элемент оказывается вторичным, побочным, являясь вкладом побежденного языка, и поэтому, когда мы говорим об индоевропейском элементе армянского языка, то здесь речь идет лишь об одном из компонентов, принимавших участие в формировании армянского языка, но не о главном компоненте¹⁶. Таковы выводы, сделанные Г. А. Капанцяном на основании изучения словарного состава армянского языка. Однако данные лексики не всегда доказательны для определения происхождения того или иного языка. Необходимо, чтобы эти данные подкреплялись и поддерживались данными морфологии и прежде всего данными словоизменения, так как «...если языки связаны материальным родством элементов грамматической структуры, то это является верным показателем происхождения этих языков из одного источника...»¹⁷.

Надо сказать, что в ряде своих работ Г. А. Капанцян приводит факты, на первый взгляд как бы свидетельствующие о смешанном характере грам-

¹⁴ См. F. B r a u n, Die Urbvölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, Berlin, 1922, стр. 35—36.

¹⁵ См. S. F e i s t, указ. соч., стр. 91. Ср., впрочем, противоположное мнение о «прагерманском субстрате» в книге: E. P r o k o s c h, A comparative Germanic grammar, Philadelphia, 1939, стр. 23.

¹⁶ См. Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 168.

¹⁷ Б. А. Серебряников, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.—Л., 1950, вып. 3, стр. 178.

матической структуры армянского языка; ср., например, такое его высказывание: «Частицы армянского языка — как словообразовательные (аффиксы), так и словоотносительные (флексии) — генетически весьма смешаны: здесь сильны и как бы уравновешены как частицы индоевропейского происхождения, так и азианического» (разрядка моя. — А. А.)¹⁸. Судя по данным автора, количество азианических частиц (29) несколько превышает количество индоевропейских (22). Таким образом, и в отношении морфологии армянский язык рассматривается Г. А. Капанцяном как смешанный, причем доминирующим признается неиндоевропейский элемент, связываемый им с языками древней Малой Азии, в первую очередь — с хеттским.

Прежде чем характеризовать данную концепцию происхождения армянского языка в целом, остановимся на положении автора о связи армянского языка с хеттским. Если армянский язык, по мнению Г. А. Капанцяна, близко родственен хеттскому, то что же представляет собой в таком случае сам хеттский, с какими языками он находится в родстве, каково его происхождение? Ответ на этот вопрос содержится в той же работе «Хайаса — колыбель армян». Здесь (на стр. 168) автор пишет, что хеттский, подобно армянскому (и другим древнеазианическим языкам), является языком смешанным по своей природе, причем и в хеттском, по мнению автора, индоевропейский элемент не имеет решающего значения.

В связи с этим мы должны особо отметить один очень важный момент, представляющий большой интерес как для данной проблемы вообще, так и для оценки самой установки Г. А. Капанцяна в целом. В книге «Хайаса — колыбель армян» отмечается, что в хеттском языке большая часть словаря является неиндоевропейской, тогда как грамматика преимущественно индоевропейская, хотя и здесь имеются известные моменты, необъяснимые на фоне сравнительной грамматики индоевропейских языков¹⁹. На основании этого факта автор заключает, что хеттский является языком смешанным в генетическом отношении, подобно армянскому, поскольку в лексической системе хеттского языка индоевропейский элемент играет, по мнению Г. А. Капанцяна, приблизительно такую же роль, что и в армянском, т. е. не составляет подавляющего большинства (в процентном отношении), как это имеет место в других индоевропейских языках.

Насколько такой вывод является обоснованным? По всему видно, что весь так называемый незаимствованный фонд лексики автором рассматривается в одной плоскости, и, несмотря на известные оговорки о качестве неиндоевропейского элемента, автор, в основном, исходит из количественных отношений, что, конечно, неправильно.

Чтобы выяснить, какой из элементов является более важным, определяющим при установлении генетической принадлежности того или иного языка, необходимо вспомнить указание И. В. Сталина о том, что основной словарный фонд «...живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов», а выработанный «в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд»²⁰. Поэтому решающее значение при определении принадлежности языка к той или иной семье имеет не только и даже не столько основной словарный фонд, сколько грамматика, грамматический строй языка, поскольку он наименее подвержен различным внешним, инородным влияниям.

Известно, что различные внешние влияния и языковые смешения, наличие которых в конкретной истории того или иного языка нельзя отри-

¹⁸ Г. Капанцян, К происхождению армянского языка, стр. 22.

¹⁹ См. Г. Капанцян, Хайаса — колыбель армян, стр. 80.

²⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23 и 25.

щать, играют неодинаковую роль в развитии различных составных элементов языка. С этой точки зрения между лексикой и грамматикой существует то различие, что лексика, включая в конкретных случаях частично и основной словарный фонд, является сферой проницаемой²¹. Так, среди слов, которые выходят из употребления, выпадают из словаря и заменяются новыми, в условиях длительного языкового контакта и сильного иноязычного влияния может оказаться большее или меньшее количество слов, относившихся к основному словарному фонду²². С другой стороны, для изменения или выпадения слов, относящихся к основному словарному фонду, имеют значение, очевидно, и некоторые другие дополнительные моменты, как, например, явления омонимии, приводящей подчас к «борьбе» омонимов и вытеснению одного из них. Этим можно объяснить, например, выпадение др.-арм. *hazw* «дед». Данное слово, как указывает Р. Ачарян,²³ было созвучно др.-арм. *hazw* «птица», почему и оказалось вытесненным в условиях тесного и длительного (около 1600 лет) исторического контакта с иранскими языками иранским словом *par*, являющимся, очевидно, заимствованием очень древней эпохи.

Необходимо отметить, что явление омонимии может способствовать также проникновению иноязычных служебных слов, близких по своей функции и значению к грамматическим элементам. Примером может служить заимствование в среднеанглийском личного местоимения 3-го лица множественного числа из скандинавских языков. Для проникновения этого, в известном смысле, служебного элемента имелись соответствующие условия: с одной стороны, близкий контакт между языками, при этом языками близкородственными; с другой стороны, возникновение омонимии, являющейся в данном случае весьма большим неудобством, так как, в связи с распадом флексии в среднеанглийском языке, в спряжении глагола все большее значение приобретает сопровождающее его личное местоимение, которое в результате фонетических процессов становится мало дифференцированным. Это обстоятельство не могло, конечно, не содействовать вытеснению старого элемента и замене его новым — заимствованным, который занимает свое место в основном словарном фонде английского языка.

Таким образом, устойчивость основного словарного фонда не является абсолютной: большая или меньшая степень устойчивости некоторых элементов основного словарного фонда обусловлена конкретной историей данного языка, а следовательно, и конкретной историей данного народа. Что же касается грамматики, то она является сферой непроницаемой или, во всяком случае, очень трудно проницаемой.

Учитывая роль грамматического строя и основного словарного фонда при выяснении вопроса о происхождении того или иного языка и опираясь на факты, приводимые самим Г. А. Капанцяном, мы можем, следовательно, утверждать, что в принадлежности хеттского языка к индоевропейским не может быть никакого сомнения, так как, если индоевропейские корни и

²¹ См.: Л. А. Булаховский, Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950, стр. 129—144; его же, Учение И. В. Сталина о языке и задачи советского языкознания, Киев, Изд-во АН УССР, 1951; Б. А. Серебряный и Ков, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 3, стр. 177—185.

²² Ср., например, скандинавские заимствования в английском языке: *take, call, fellow, husband, knife, sky, skin, raise, wrong* и т. д. и многочисленные иранские заимствования в армянском: *andam* «член», *demkh* «лицо», *zakat* «лоб», *dašt* «поле», *eritazard* «молодой», *harazat* «родня», *ašxarh* «мир», *karmir* «красный» и многие другие. Подробно об этом см.: Р. Ачарян, указ. соч., стр. 218—323.

²³ См. Р. Ачарян, указ. соч., стр. 299.

слова составляют в основном словарном фонде хеттского языка сравнительно несколько меньший процент, чем в других индоевропейских языках, то грамматика в нем преимущественно индоевропейская.

Определение хеттского языка как индоевропейского заставляет нас иначе подойти и к вопросу о происхождении армянского языка. Близкое родство армянского языка (точнее, определенного его слоя — хайского) с хеттским, как мы видели выше, признается Г. А. Капанцяном.

Поскольку хеттский язык, вопреки утверждениям этого автора, является языком индоевропейским, то, следовательно, речь должна идти не о каком-то особом происхождении армянского языка и «неиндоевропейской доминанте» в нем, а лишь о более точном определении места армянского языка в кругу индоевропейских языков. Иными словами, к признанным наукой старым связям армянского с греческим, славянскими и иранскими языками, о которых говорилось выше, прибавляется еще факт близкой связи с хеттским, ибо, если хайский язык близко родственен хеттскому, то он (вместе с армянским — языком арменов) является индоевропейским²⁴.

Очевидно, именно в таком плане ставится вопрос и автором статьи «Армянский язык» в новом издании «Большой Советской Энциклопедии»: «Армянский язык образовался в результате длительного (до 800 лет) скрещивания племенных языков предшественников армян — хеттов, урартов, субаров, митанийцев и др. — с языками вторгавшихся на территорию Армении племен, носителей речи индоевропейского типа... В этом процессе победителями оказались два близких племенных языка „арме“ и „хайаса“, откуда и получились названия „армянский“ и „хайский“. Процесс образования общего языка армянской народности в основном закончился во 2 в. до н. э. и являлся результатом консолидации армянских племен и создания единого государства Великой Армении при Арташесе I (189—161 до н. э.) и Тигране II (95—56 до н. э.)» (разрядка моя. — А. А.)²⁵.

В данном высказывании наше внимание особенно привлекает признание близкой родственной связи между армянским и хайским языками, т. е. признание языка хайаса языком индоевропейским. Этот факт важен в том отношении, что он, как нам кажется, позволяет сделать предположение о причинах возникновения некоторых, в частности фонетических, особенностей армянского языка. Если хайский (= язык хайаса) и армянский (= язык арме) действительно представляли собой два близкородственных племенных языка, и притом индоевропейских, то отсюда следует, что между ними могли быть и были известные расхождения, которые условно можно было бы назвать диалектными. Если хайский язык, как доказывает Г. А. Капанця, ближе стоит к хеттскому, то у языка племени арме были, очевидно, особенности, сближающие его с греческим и славянскими языками. Возможно, что именно этим объясняется трудность изучения звуковых законов, действовавших в армянском языке, и то, что вопросы исторической фонетики армянского языка, по признанию всех исследователей, нуждаются в дальнейшем уточнении.

В этой связи возникает, между прочим, мысль о том, не является ли различная судьба древнейшего индоевропейского *ǵ в таких словах, как арм. *otn* «нога», *ozni* «еж», *gorc* «дело», *ost* «сук, ветвь» и т. п., с одной стороны, и арм. *akn* «глаз», *ateam* «ненавижу», *ayt* «щека», *ya'net* «встаю» (повелит. *ari* «встань!») и т. д. — с другой, результатом того, что здесь дей-

²⁴ Вопрос о соотношении между хеттским и другими индоевропейскими языками — вопрос особый, и мы его здесь не затрагиваем, поскольку это не входит в задачи данной работы.

²⁵ БСЭ, т. 3, 2-е изд., стр. 107.

ствовали различные закономерности, переплетавшиеся в условиях смешения двух близкородственных, но далеко не тождественных племенных языков. Возможно, что хайский язык, стоявший ближе к хеттскому, в отношении развития древнего *ō проявлял те же закономерности, что и хеттский, изменяя древнее *ō в *ā*. Язык же арме в этом отношении обнаруживал иные закономерности, сохраняя, подобно греческому и латинскому языкам, древнее различие между *ō* и *ā*, почему и в таких словах, как *otn* и т. п., индоевропейское *ō отражается в виде *o*²⁶.

Укажем еще на один весьма интересный факт. При исследовании индоевропейского лексического элемента в армянском языке мы часто сталкиваемся с огласовкой корней и суффиксов, отражающей *ō* (*a*), а не нулевую ступень. Ср., например, арм. *atamn* «зуб», возводимое к архетипу **d̥n̥m̥*, или арм из **r̥-mn*, или *hasanel* «достигать» из **nk̥*, а также арм. *asr* (род. падеж. *asu*) «руно, шерсть», возводимое к **r̥k̥-u*, и т. д.

Эти и подобные случаи дают основание предполагать, что среди указанных слов мы имеем такие, которые по своему звуковому оформлению стоят ближе к хеттскому и имеют не нулевую огласовку, а огласовку *ō*, отражающуюся в армянском как *a*.

В этой связи становятся понятными и некоторые лексические сближения между армянским и хеттским, которые приводятся Г. А. Капанцяном в его исследованиях. По существу, в них нередко тоже речь идет не об ином (неиндоевропейском) происхождении данного лексического элемента, а лишь о том, что он по своему оформлению ближе стоит к соответствующему элементу хеттского, чем к фактам других индоевропейских языков. Ср., например, арм. *malem* «мельчаю», *metk* «мягкий», *ya'net* «поднимаюсь» и др.²⁷

Предполагая такое тесное сплетение двух различных тенденций в одном и том же языке, мы исходим из того положения, что если скрещивание разносистемных языков с различной языковой структурой в смысле взаимопроизводимости двух различных морфологических систем невозможно, то в случае взаимодействия двух родственных, в особенности же, как предполагается в данном случае, близкородственных языков взаимное проникновение вполне вероятно. Таким образом, известные трудности в объяснении как фонетических, так и некоторых морфологических особенностей армянского языка, возможно, связаны с тем, что в основе процесса образования армянского языка как языка народности лежит процесс смешения двух (или более) родственных, но проявлявших известные фонетико-морфологические и лексические особенности племенных языков, оказавшихся победителями при многочисленных языковых смешениях, происходивших, как предполагается, в древней Малой Азии.

2

Существенным недостатком проведенного Г. А. Капанцяном анализа вопроса о соотношении индоевропейского и неиндоевропейского (= неэтимологизированного, собственно армянского) лексического фонда яв-

²⁶ К. Бругман (а вслед за ним и А. Мейе) объясняет данные явление иначе. См. К. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. В. I (Strassburg, 1897), стр. 153—154, где арм. *a* против слов *ō*, лат. *ō* в таких словах, как *akn*, *ateam*, *anur* (*haçi*) и др., объясняется наличием в самом индоевропейском двух разных фонем: одна — *ō, чередующаяся с *e*, дает в армянском *o*, тогда как другая — **ō̄* (*ā*), не чередующаяся с *e*, — отражается в армянском как *a*, а в индо-иранских в открытом слоге дает *ā* (в то время как и-е. *ō в открытом слоге здесь дает *ā*).

²⁷ См. Г. Капанцяна, Хеттские боги у армян, Ереван, Изд-во ун-та, 1940.

ляется отсутствие качественной оценки соответствующих пластов лексики, следование преимущественно количественным показателям. Между тем незначительный в количественном отношении индоевропейский лексический фонд качественно занимает очень важное место в словарном составе армянского языка. Достаточно самого беглого ознакомления со списком слов индоевропейского происхождения, чтобы убедиться в том, что они в своем большинстве входят в основной словарный фонд, составляют основное ядро языка. Об этом прежде всего говорит тот факт, что подавляющее большинство этих слов обнаруживает исключительную устойчивость и является достоянием современного армянского языка. Следует указать также и на значимость тех семантических сфер, какие охватываются индоевропейским элементом в армянском языке. Сюда относятся прежде всего такие весьма важные для языка слова, как местоимения (личные, указательные и др.), многие служебные слова (частицы, союзы), числительные (кроме *hariwr* «сто» — кавказского происхождения, *hazar* «тысяча» и *biwr* «десять тысяч», являющихся иранскими заимствованиями), подавляющее большинство названий частей тела, термины родства (по мужской линии), такие простейшие глаголы, как «ходить», «спать», «жить», «есть», «рождать», «знать», «говорить» и т. д. Таким образом, исследование данного лексического материала приводит нас к заключению, что именно слова индоевропейского происхождения в большинстве случаев безусловно входят в основной словарный фонд армянского языка.

Однако, как известно, лексика еще не решает вопроса об общности происхождения различных языков. Поэтому обратимся к анализу элементов грамматического строя армянского языка и посмотрим, насколько материал, использованный Г. А. Капанцяном, дает основание делать вывод о смешанности армянского языка, о смешанном характере его грамматического строя. При этом мы исходим из не раз уже подчеркнутых за последнее время исследователями положений о том, что «...флексия по своей природе (если дело не идет о языках ближайше родственных) не заимствуется...»²⁸ и «морфологические модели различных языков никогда не переплетаются между собой при скрещивании различных языков»²⁹. Этим положениям противоречит утверждение Г. А. Капанцяна о том, что в армянском языке имеется около трех десятков морфологических элементов (в том числе — элементов флексии), которые не являются по происхождению индоевропейскими, а также его указание на то, что морфология армянского языка (словообразование и словоизменение) носит явно смешанный характер.

Попытаемся подойти к вопросу конкретно и выяснить, к каким выводам нас приводит сам материал армянского языка. Если действительно факты армянского языка подтверждают выводы о смешанном характере армянской морфологии, то тогда нужно будет искать причины подобного расхождения, отклонения от общего правила, ставящего армянский (согласно Г. А. Капанцяну, и не только армянский) язык в особое положение. Поэтому обратимся к непосредственному анализу языковых данных, в частности тех, которые приводятся Г. А. Капанцяном в доказательство правильности его концепции.

Выше указывалось, что в книге «К происхождению армянского языка» Г. А. Капанцяна приводит список индоевропейских частиц армянского языка, включающий 22 элемента, и список азиатических частиц, включающий 29 элементов. На первый взгляд здесь мы как будто также имеем пе-

²⁸ Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 130.

²⁹ В. А. Серебряников, указ. соч., стр. 178.

ревес азианического элемента. Однако, говоря о соотношении индоевропейского и неиндоевропейского элементов в морфологии, опять-таки необходимо учитывать в первую очередь не количественные, а качественные показатели. И если мы подойдем к вопросу с этой точки зрения, то придем к совершенно иным выводам, чем те, какие сделаны Г. А. Капанцяном.

Прежде всего, необходимо отметить, что в упомянутом списке флексии и словообразовательные суффиксы рассматриваются Г. А. Капанцяном в одной плоскости. Однако, при всей близости и тесной связи этих морфологических элементов слова, между ними существует значительное различие, которое очень важно учесть при разрешении проблемы происхождения того или иного языка, в данном случае при разрешении вопроса о преобладании того или иного языкового элемента в армянском языке. Дело в том, что словообразовательные элементы как элементы, принадлежащие основе и потому имеющие более тесную связь с лексикой, могут сравнительно легко проникать в язык из другого языка, тогда как в отношении флексии этого никак нельзя сказать. Более того, при большом количестве заимствований из другого языка некоторые из этих словообразовательных элементов впоследствии могут выделиться и стать весьма продуктивными словообразовательными суффиксами, войдя, таким образом, в основной словарный фонд заимствовавшего их языка. История различных языков знает много подобных фактов. Ср. хотя бы французский по происхождению суффикс прилагательных *-able/-ible* в современном английском языке, суффикс *-er* в современных английском и немецком языках (из лат. *-arius*) и другие. Поэтому и при рассмотрении генетических вопросов необходимо делать различие между словообразовательными морфемами (суффиксами) и элементами флексии и решающее значение придавать именно последним.

Из 22 армянских частиц индоевропейского происхождения 13 являются элементами флексии. Мы бы к ним прибавили и ряд окончаний, которые в армянском представлены нулем звука, но которые восходят, как и в некоторых других индоевропейских языках, очевидно, к соответствующим индоевропейским окончаниям: окончание им.-вин. падежей ед. числа, где произошло отпадение конечных безударных слогов, некоторые глагольные окончания (ср. арм. *éber* «он принес», греч. *éphere*, санскр. *ábhatat*) и другие. При учете этих окончаний, почему-то не принятых во внимание Г. А. Капанцяном, количество индоевропейских морфологических элементов значительно увеличилось бы, не уступая ничуть списку морфем азианического происхождения, приведенных автором. Что же касается этой последней группы морфем, то здесь из 29 названных Г. А. Капанцяном единиц собственно грамматическими (будь то элементы основы или собственно флексии) являются лишь 10, причем 5 из них являются окончаниями множественного числа или суффиксами собирательности, что также весьма показательно, так как для нас важен, как уже не раз отмечалось, не количественный перевес того или иного элемента, а его качество. Далее, надо отметить, что некоторые из этих частиц параллельно имеют и индоевропейские этимологии (ср. диалектное армянское окончание мн. числа *-wi* в *açwi* «глаза», *awti* «ноги», *jerwi* «руки», рассматриваемое как древнейшее окончание двойств. числа; окончание род.-дат.-исходн. падежей мн. числа *-ç*, возводимое к индоевропейскому суффиксу *-*sk-*), что, конечно, сокращает число морфем азианического происхождения хотя бы потому, что возможность параллельного объяснения подрывает достоверность принятой этимологии.

Таким образом, флексиями, не объяснимыми через индоевропейские данные, остаются:

- *с* — окончание исходн. падежа в современных северных диалектах (да и в литературном армянском языке);

- *r* — окончание 2-го лица ед. числа в ряде глагольных форм (*tur* «дай», *dir* «клади», *teser* «ты увидел», *tesar* «ты был увиден» и др.);

- *aw* — окончание 3-го лица ед. числа прош. времени страд. и средн. залогов (*tesaw* «он был увиден», *çogaw* «он ушел» и др.);

- *a* — основообразующий элемент средних глаголов (*zgam* «чувствую», *gnat* «ухожу») и др.³⁰.

Об окончаниях множественного числа скажем особо несколько позже. Что же касается индоевропейских аффиксов, то они представляют следующую картину, согласно тому же списку:

- *b* — окончание твор. падежа // и.е. **-bhi(o)*;

- *s* — окончание вин. падежа мн. числа // и.е. **-ns*;

- *s* — окончание местн. падежа мн. числа // и.е. **-su*;

- *m* — окончание дат. падежа местоим. склонения // ср. др.-англ. *ræm*, *him* и др.

- *m* — окончание 1-го лица наст. времени // и.е. **-mi*;

- *s* — окончание 2-го лица ед. числа наст. времени // и.е. **-si*;

- *y* — окончание 3-го лица ед. числа наст. времени // и.е. **-ti*;

- *n* — окончание 3-го лица мн. числа наст. времени // и.е. **-nti*;

- *c* — образует основу прош. времени (*kardaçi* «я прочел») // и.е. **-s*;

- *ç* — окончание будущ. времени (*taç* «я дам») // и.е. **-sk-*;

- *i* — образует инфинитив и причастие прош. времени (*grel* — «писать», *greal* «написанный»);

- *ĵ* — в основе 2-го лица будущ. времени повел. наклонения (*tesĵir* «увидишь!», *tesĵikh* «увидите!»).

Наконец, к индоевропейским грамматическим элементам нужно прибавить:

e — аугмент в 3-м лице ед. числа прош. времени соверш. вида (*etes* «он увидел»), соответствующий греческому и индийскому аугменту.

Если при этом учесть и те нулевые окончания, о которых говорилось выше, то становится ясным, что вся система флексии армянского языка, за незначительными исключениями, индоевропейского происхождения. Что же касается морфем азиатического происхождения, то подавляющее большинство их представляет собой словообразовательные элементы, причем их продуктивность и функциональная роль весьма различны. Так, суффикс *-uni* встречается преимущественно в родовых фамилиях, а суффикс *-aw* — в топонимике. Часть же приводимых здесь словообразовательных элементов (например, суффиксы *-et*, *-elen*, *-aren*, *-aci*, *-ayin* и др.) действительно стала продуктивной и прочно вошла в систему словообразовательных средств армянского языка. Что же касается четырех азиатических, по определению автора, частиц, представляющих элементы флексии, то одна из них — флексия исходного падежа *-с* — отсутствует в древнеармянском языке, так что она могла появиться и в результате позднейшей морфо-

³⁰ Примеры взяты из книги Г. К а н а н ц я н а «К происхождению армянского языка».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приводимые автором азиатические элементы флексии являются, за исключением окончания исходного падежа *-с* (см. ниже на этой же стр.), глагольными окончаниями, причем, в основном, окончаниями прошедшего времени, в частности *п а с с и в а*. Это также весьма показательно, поскольку и в этом отношении армянский язык не составляет исключения. Подобный «разнобой» существует и в других индоевропейских языках; здесь тоже в личных окончаниях в прошедшем времени имеются элементы, не восходящие к восстанавливаемым соответствующим индоевропейским окончаниям (ср. хотя бы слабое прошедшее в германских языках, образование латинского претерита типа *ornabam* и др.).

логической перестройки³¹. Но если даже оставить в стороне это соображение, то в любом из индоевропейских языков можно было бы указать на отдельные элементы флексии, происхождение которых достоверно не установлено. Даже в таких близкородственных языках, как славянские, в отношении реконструкции более древнего состояния флексии, как отмечает Л. А. Булаховский³², много спорного и полного тождества не наблюдается. Таким образом, упомянутые четыре аффикса никак не могут служить доказательством неиндоевропейского происхождения армянского языка.

По поводу упоминавшихся выше окончаний множественного числа отметим, что эти окончания: *-ni* (ср. *awagani, azatani, namakani, kanani*), *-ear>-er* (*orear, bandear, vanear*), *-ti* (*mankti, phoroti*) и *-kh* неодинаковы по продуктивности и по своей функциональной роли. Самым живым и распространенным окончанием множественного числа неиндоевропейского происхождения в древнеармянском было окончание *-kh*. Окончание *-ear* в древнеармянском выступало в ограниченном числе случаев, хотя в современном языке оно стало обычным окончанием множественного числа существительных, вытеснив из системы имени старое окончание *-kh*. Окончания же *-ti* и *-ni* представляют собой крайне непродуктивные аффиксы с собирательным значением. Ср. *awagani* «знать» (буквально: «старшие»), *kanani* «гарем» (буквально: «женщины»), *mankti* «детвора» и т. д.³³

Помимо большей продуктивности в древнеармянском языке, окончание *-kh* выделяется еще и тем, что оно выступает как показатель множественного числа не только в имени, но и в глаголе, тогда как остальные окончания множественного числа употребляются только с именами. Это последнее обстоятельство лишней раз указывает на то, что из всех этих окончаний в морфологическую систему древнеармянского языка, взятую в целом, наиболее прочно и органически было включено именно окончание *-kh*, которое следует поэтому рассмотреть более подробно.

Нам кажется, что такое глубокое и органическое проникновение этого элемента в морфологическую систему армянского языка теснейшим образом связано с историческим развитием армянского языка, с внутренними закономерностями его развития. Языковые факты говорят о том, что проникновение этого «чуждого» элемента является не случайным.

Необходимо прежде всего отметить, что со случаями проникновения, заимствования окончания множественного числа (= формы им. падежа мн. числа) вместе с соответствующими заимствованными словами мы нередко сталкиваемся в истории различных языков. Однако если в данном языке имеется фонетически и морфологически четко выраженное средство оформления множественного числа, то эти иноязычные, заимствованные формы множественного числа остаются на положении исключений. Весьма важно

³¹ Возможно, что это окончание (*-e*), встречающееся в древнеармянском языке в данном падеже лишь в форме множественного числа, в результате унификации падежных форм проникло и в единственное число. Такая перестройка представляется вполне возможной, если учесть, в частности, что в современном армянском языке падежные окончания указывают лишь на отношения, характерные для падежа, независимо от числовых различий, которые выражаются при помощи другой специальной морфемы. Это позволяет говорить об элементах агглютинации в системе склонения современного армянского языка: ср., например, род. падеж ед. числа *setan-i*, мн. числа *setan-ner-i*; исходи. (отлож.) падеж ед. числа — *setan-ic*, мн. числа — *setan-ner-ic* и т. д.

³² См. Л. А. Булаховский. О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М.-Л., 1950, вып. 2, стр. 103.

³³ См. М. Абебян, Грамматика грабара, 2-е изд., Ереван, «Айнетрат», 1936, стр. 85 (на арм. языке).

отметить также, что слова эти подчиняются общему правилу, принимают обычное для данного языка окончание множественного числа, как только они становятся обиходными, общеупотребительными, т. е. входят в основной словарный фонд языка. Подобные примеры имеются, например, в современном английском языке, где мы находим ряд слов латинского и греческого происхождения, которые сохраняют соответствующую форму множественного числа; например: *sanatorium, crisis, formula, thesis, axis, datum* и др. Но в современном английском языке это лишь отдельная маленькая группа слов книжного характера, охватывающая в большинстве случаев научные термины. Иначе говоря, эти слова, как правило, не относятся к обиходному, основному словарному фонду. Наряду с этим в современном английском языке имеется обычное, четко и ясно выделяемое оформление множественного числа. При подобном положении слова с иноязычным окончанием множественного числа остаются известными исключениями, а полная ассимиляция их выражается в том, что они начинают принимать обычное окончание множественного числа (например, *sanatoriums* и т. д.). В современном английском языке, как видим, ни одно из заимствованных окончаний множественного числа не стало обычным окончанием при образовании данной формы. Тем не менее показателем самый факт заимствования такого окончания, как окончание именительного падежа множественного числа (в соответствующих, конечно, словах). Следовательно, хотя окончание множественного числа и относится к грамматике, однако по сравнению с другими грамматическими элементами, как, например, с падежными окончаниями, оно занимает, очевидно, особое положение³⁴, почему это окончание и может оказаться «чуждым» по своему происхождению.

Данные сравнительно-исторического изучения армянского языка говорят о том, что проникновение, появление этого элемента обусловлено прежде всего тем, что соответствующие индоевропейские окончания множественного числа, согласно закономерностям фонетического развития армянского языка, должны были отпасть, в результате чего во многих случаях должно было произойти смешение форм единственного и множественного числа. Употребление окончания *-kh* в древнеармянском языке показывает, что оно появляется там, где без него формы единственного и множественного числа сплошь и рядом совпадали бы. Ср., например, такие формы, как им. падеж ед. числа *am* «год» и им. падеж мн. числа *am-kh*, твор. падеж ед. числа *amaw* и твор. падеж мн. числа *amaw-kh*. То же самое мы наблюдаем и в глаголе, где, например, формы 1-го лица единственного и множественного числа тоже дифференцируются лишь наличием или отсутствием этого элемента. Ср. 1-е лицо ед. числа *grem* «пищу» и 1-е лицо мн. числа *grem-kh*.

Таким образом, фонетическое развитие, выразившееся в отпадении всех конечных безударных слогов (слово сократилось на один слог), привело к тому, что многие падежные формы, которые раньше различались, совпали (например, формы им., вин. и местн. падежей в основах на *-o-*, формы род. и дат. падежей и др.). Но если появившиеся омонимичные падежные формы сохранялись³⁵, то в отношении числовых различий эта омонимия, видимо, создавала большие неудобства, в связи с чем, естест-

³⁴ Это различие отмечается и Л. А. Булаховским в упоминавшейся уже статье «Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию», стр. 133.

³⁵ Омонимичность падежных форм встречается как в единственном, так и во множественном числе. Ср., например, формы род., дат. и отложит. (последняя, правда, всегда с предлогом) падежей мн. числа.

венно, были найдены новые способы дифференциации форм при помощи окончания *-kh*. В дальнейшем же это окончание стало, очевидно, восприниматься как универсальный показатель множественности и проникло даже туда, где не было подобной омонимии и, следовательно, не было опасности смешения форм. Ср., например, в личных местоимениях: *es* «я» и *te-kh* «мы» или во 2-м лице мн. числа в глаголе: *gres* «пишешь» и *grē-kh* «пишете». В последнем случае, однако, без этого *-kh* получалось бы совпадение с формой 3-го лица ед. числа *grē* «пишет», поскольку в древнеармянском, как и в современном, местоимение при глаголе очень часто не употребляется.

Итак, основной причиной распространения окончания *-kh* является, очевидно, то обстоятельство, что в результате отпадения безударных конечных слогов армянский язык стал утрачивать старые средства дифференциации единственного и множественного числа, создавая благоприятную почву для проникновения вместе с заимствованными словами соответствующего иноязычного элемента. Заимствования эти, по всей вероятности, попадали в язык в процессе живого, тесного контакта через разговорную речь, и число их было, видимо, достаточно велико для того, чтобы данный морфологический элемент мог выделиться и быстро распространиться. О том, откуда проник этот элемент в армянский язык, мы ничего не можем сказать, поскольку происхождение его, как указывает Мейе, вообще неясно³⁶. Ничего не говорит о его происхождении и Г. А. Капанцян³⁷. Он просто считает это окончание «азиантическим», очевидно, на том лишь основании, что оно не объясняется через индоевропейские данные.

Как бы то ни было, но несомненно также, что этот элемент появился в армянском языке в сравнительно более позднее время. Об этом говорят прежде всего некоторые особенности фонетического развития находящихся перед ним гласных. Прибавление *-kh* не препятствует исчезновению гласных первоначальных безударных слогов. Иными словами, безударный гласный конечного слога имеет перед *-kh* такое же развитие, какое он имеет в абсолютном исходе слова (ср. *çorekh-tasan* «четырнадцать», но *çorkh* «четыре»)³⁸. Обращает на себя внимание и агглютинативный характер присоединения этого окончания, очевидно, тоже связанный с особенностями его появления и функционирования в языке.

Следовательно, наличие элемента *-kh* (наряду с другими окончаниями множественного числа, редко употреблявшимися в древнеармянском языке) вовсе не говорит о смешанности морфологического строя армянского языка, о переплетении в нем двух (индоевропейской и азиантической) морфологических моделей, а свидетельствует лишь о том, что окончание множественного числа имело сложную историю, обусловленную внутренними потребностями армянского языка, внутренними законами его развития.

*

Какие же выводы можно сделать на основании всего сказанного выше?

Характер грамматического строя армянского языка, а также принадлежность преобладающей части его индоевропейской по происхождению доказывают к основному словарному фонду совершенно определенно говорят о том, что армянский язык является языком индоевропейским. Этим,

³⁶ См. A. Meillet, указ. соч., стр. 45. X. Педерсен (H. Pedersen, *Armenisch und die Nachbarsprachen*, «Kuhn's Zeitschrift», B. XXXIX, N. F., B. XIX, H. 1, Gütersloh, 1904, стр. 334—484) считает, что все окончания множественного числа, в том числе и *-kh*, восходят к соответствующим индоевропейским элементам.

³⁷ См. Г. Капанцян, К происхождению армянского языка, стр. 30.

³⁸ См. A. Meillet, указ. соч., стр. 45.

конечно, не снимается вопрос о тех значительных расхождениях в фонетике, лексике, равно как, в известных случаях, и в морфологии, которые наблюдаются в армянском по сравнению с другими индоевропейскими языками и которые отмечаются всеми исследователями. Здесь многое не выяснено, много еще непонятого. Часть этих расхождений, несомненно, найдет соответствующее объяснение в дальнейшем, в результате углубленных исследований и привлечения новых материалов; некоторые же из них, видимо, уже безнадежно затемнены. Как известно, подобные затруднения имеются и в других индоевропейских языках, в одних в большей, в других в меньшей степени.

Факты же, приводимые Г. А. Капанцяном, говорят лишь о том весьма значительном влиянии (в первую очередь в области лексики), которое оказали местные языки на армянский язык. Работы Г. А. Капанцяна имеют большую ценность, поскольку в них уделяется особое внимание изучению именно этого неиндоевропейского языкового материала, который имеет значительный вес в лексической системе армянского языка в целом. В этом отношении его исследования безусловно помогают глубже вскрыть конкретный ход исторического развития армянского языка, учесть всю сложность тех исторических условий, в которых происходило это развитие. Большой интерес представляют, в частности, намеченные Г. А. Капанцяном конкретные пути разрешения некоторых темных вопросов в историческом развитии армянского языка (таких, как хеттско-армянские отношения, урартские, хурритские и др. лексические общности и т. д.). Однако его общая концепция происхождения армянского языка представляется нам неправильной, ибо она не подтверждается языковыми фактами, если иметь в виду систему армянского языка в целом, а не только его словарный состав.